

ИДЕЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ЕЕ ФИЛОСОФСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ

Ключевые слова: идея, уголовное право, уголовный закон, смысл, цель, концепция, философия уголовного права

S.A. Bochkaev. *The Idea of Criminal Law and Its Philosophical Dimension*

The urgency of the theme named due to the fact that the modern criminal law, according to leading experts, is not an integral and systematic attack. It contains «alien» from the Institute and the traditions of other branches of law and public relations. Criminal law is unbalanced, and a number of provisions harmful to society as full of contradictions and lacked conceptual frameworks. According to the developers of the Concept of modernization of the criminal law in the economic sphere, the criminal law today does not have a common ideology and a common methodology.

It serves as the main cause of the large gap between the meaning embedded in the law, and the sense of scrap to be given in the process of enforcement. As a result it becomes common practice of quasynorms the contents of which detached from the real meaning of criminal prohibitions.

All that need updated legal and philosophical understanding of the criminal doctrine and find the idea of criminal law, distinguishing her from quasi ideas this branch of law that, in theory and in practice for the law enforcers are the decoys. The study shows that the idea is inherently self-organization as the beginning of the criminal law in general and his subjects in particular. The article discloses the purpose of ideas, its symbolic and actual value for the person in the position of public relations.

Представления об уголовно-правовых «идеях». Вопрос об идее не праздный. Он не предполагает получения односложного ответа. Но может показаться, что поднятая тема не нова. Явно или неявно ею задаются все. В быту, когда хочется понять, что собой представляет человек и его жизнь, стараются выяснить образ его мыслей или логику поведения. В науке, с целью установления идеи того или иного уголовно-правового исследования, определяют предмет и объект изучения, его цели и задачи, методологические приемы, теоретические и практические основания, признаки эвристичности проводимого изыскания. Исходя из этого считается, что сама наука уголовного права представляет собой систему уголовно-правовых идей и взглядов, теоретических положений, относящихся ко всем проблемам отмеченной отрасли права.

* Кандидат юридических наук (Генеральная прокуратура РФ). [bochkarvs@mail.ru]

Другое дело, что не каждый разрешает названный вопрос или принимает для этого необходимые усилия. Исследовательская практика подтверждает, что идея как таковая, ее методологический потенциал не в полной мере востребованы в научных поисках. Они недостаточно изучаются в теории уголовного права. Несмотря на то, что личность поддается влиянию собственных идей и идей времени, в котором она живет, их воздействие на существующий опыт правоприменения не исследуется. Как правило рассматривается не идея, а множество различных «идей» и преимущественно в ретроспективном плане. Сведения о них приводятся лишь в связи с историей уголовного права и с целью прояснения его происхождения.

Для такого отношения к идее имеются как субъективные, так и объективные причины. Если о первых сказано выше, то о вторых следует отметить, что в самой философии ощущается нехватка знаний об идее. В ней сохраняются ожидания, что в близком или обозримом будущем из недр философии появится отрасль, занимающаяся природой идей, их местом и ролью в реальности, видами и связями между собой, а также их обусловленностью историческими, социальными, культурными и личностными факторами¹. Наука об идеях, по мнению специалистов, должна стать отдельной философской дисциплиной, что само по себе знаково для уголовного права, которое при таких обстоятельствах уже не может позволить себе абстрагироваться от разрешения вопроса о собственной идее. Во всяком случае, интерпретируя слова П.Д. Юркевича², наука не сможет считать свои знания достаточными, пока не ответит на вопрос об идее и цели объекта своего познания — уголовного права. Ограничиваясь областью опыта, наука не будет способна успешно развивать и решать задачи отмеченной отрасли права, поскольку «наличие закономерности, вечных и неизменных законов в природе не могут быть поняты без идеи»³.

В учебной и научной литературе отмечается, что основу сложившегося уголовно-правового мировоззрения, как и правопонимания вообще, составляют идеи в основном античных мыслителей, философов Нового времени, эпох Возрождения и Просвещения, теоретиков различных школ права о государстве и социальном устройстве.

Так, в частности, авторы одного из ведущих учебников по уголовному праву, говоря об истории отрасли и науки уголовного права, исходят из истории государства. Л.К. Савюк утверждает, что по «уголовному законода-

¹ См.: Кочеров С. Русская идея как предмет философского анализа: к вопросу о необходимости философии идей // Интелрос. 2010. № 1.

² См.: Юркевич П.Д. Идея // Философские произведения. М., 1990. С. 20.

³ Оботурова Н.С. Идея как концептуальный уровень познания в философии П.Д. Юркевича // Философия и культура. 2011. № 5 (41). С. 57.

тельству можно судить о сущности государства». Историю становления последнего юрист воспринимает в качестве источника идей отмеченной отрасли права. Развитие представлений о государстве влияет на формирование права в целом и уголовного права в частности. В качестве примера приведены идеи, рожденные естественным правом, юридическим позитивизмом, классической и исторической школами права, оказавшими фундаментальное влияние на становление институтов уголовного права¹.

Основной тезис, поддержанный соавторами учебника, пожелавшими дистанцироваться от разбора «исторических кульбитов» с так называемыми уголовно-правовыми идеями, сформулировал А.Э. Жалинский. Он полагает, что историческое развитие уголовного права свидетельствует о реализации им потребности в социальном мире и комфорте².

Наряду с учебной литературой в монографических изданиях также обосновывается, что уголовно-политическая концепция производна от концепции политико-правовой. Т.Г. Понятовская, к примеру, полагает, что идеи, оказавшие влияние на развитие уголовного права в дореволюционной России, вытекают из природы государства, образованного ради обеспечения неприкосновенности естественных прав граждан и обязанного гарантировать им свободу от злоупотребления репрессивной властью. Идеи, повлиявшие на становление советского уголовного права, утверждает она, сводились к репрессивной функции государства как к средству социального регулирования и к требованию снятия формально-правовых ограничений для применения этой функции³.

Со сказанным трудно не согласиться. Однако возникает вопрос о том, идет ли во всем этом речь об идее в целом и идее уголовного права в частности. Если да, то в чем же ее суть в таком случае? Для обретения уверенности в предложенном выше контексте, как в ответе на поставленный вопрос, необходимо обратиться к настоящему времени.

В современном уголовном праве тема идеи предана забвению. Теория этого права, не имея полного представления о природе идеи, не фиксирует ее наличие среди своих достижений. Вероятно, данное обстоятельство не в меньшей степени чем иные причины влияет на то, что в «российской уголовно-правовой науке до настоящего времени не выработан единый подход к анализу уголовно-правовых явлений». В ней отсутствует единая система взглядов на природу уголовного права, его задачи и функции, на объем, со-

¹ См.: Уголовное право: учебник. В 3 т. Т. 1: Общая часть / под общ. ред. А.Э. Жалинского. М., 2011. С. 84–91.

² См.: Жалинский А.Э. О понимании уголовного права // Право и политика. 2006. № 5.

³ См.: Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России (история и современность): дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1996.

держание и значение его понятий и институтов за рамками официальных правовых идеологий.

Может быть, по отмеченным причинам для исследуемой отрасли права, сегодня жизненно важным является разрешение дискуссии, развернувшейся между В.Н. Кудрявцевым и А.В. Наумовым. Имеется в виду их диалог о текущем состоянии отечественного уголовного права, который не мог не коснуться его идеологических оснований. Отвечая на взыскательный взгляд академика о скромности достигнутых успехов, А.В. Наумов пишет: «Не следует стыдиться, что корни современного уголовного права лежат в идеях, выдвинутых в XVIII—XIX вв. ...Да, человечество уже к тому времени сформулировало основные уголовно-правовые идеи, и теперь они уже проверены веками. Трудность заключается в их правотворческой и правоприменительной реализации. Никакого нового уголовного права не будет, а будет органическое развитие старого с его приспособлением к новым... реалиям»¹.

С названными точками зрения можно соглашаться либо, напротив, не соглашаться. Дело здесь не в предпочтениях. Выбор между ними не должен быть обусловлен чьим-либо мировоззренческим или методологическим произволом. Суть в том, что для тезисов юристов характерны черты идеи. Во взгляде А.В. Наумова просматривается мысль автора, ее главенствующее, по его мнению, значение для переживаемого уголовным правом времени. Позиция содержит в себе общий принцип построения существующей теории уголовного права, отражает объективные качества сложившейся уголовно-правовой реальности, освещать пути его происхождения и перспективы развития.

Между тем такое представление об идее является ошибочным. Высказанное А.В. Наумовым мнение лишено идейного наполнения. Несмотря на масштаб и охват времени, его суждение наполнено антиидейным содержанием. Тезис юриста не имеет активного начала. В нем превалируют инертные акценты. Мысль А.В. Наумова и заложенный в ней смысл не ускоряют социальный прогресс. Они не организуют и не мобилизуют на преобразование отжившего и установление нового, прогрессивного в уголовном праве, что само по себе уже противоречит природе идеи. Оценивая будущее российского уголовного законодательства, криминалист вообще не видит возможность приведения его концептуальных идей к какой-либо единственной идее², что, с точки зрения ее природы, равносильно утверждению об отсутствии у этой отрасли права своей конечной цели.

¹ Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 138.

² См.: *Наумов А.В.* О будущем российского уголовного права — законодательства, его применения и науки // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 59. С. 15.

Идея не сводится к фиксации результатов опыта. Она, как отмечал П.В. Копнин, является отражением вещи, свойства или отношения не просто в их наличном бытии, а в необходимости и возможности, в тенденции развития. Идеи являются активным звеном в развитии действительности, в процессе практической деятельности человека, создающей новые, ранее не существовавшие формы реальности¹. Идея, как утверждает С. Кочеров, «не столько характеризует настоящее состояние объекта, сколько представляет это состояние как преходящий этап в его развитии. В отличие от понятия, которое отражает сущность объекта, идея выявляет перспективы, что пока еще в нем скрыты, содержит проекцию его возможного будущего и задает критерий для оценки степени воплощения этого будущего на практике»².

Таким требованиям понятия идеи больше соответствует позиция В.Н. Кудрявцева. Она не отягощена, а лишь обоснована сущим, устремлена в будущее, поскольку небеспочвенно требует обновления имеющегося уголовного права. Несмотря, казалось бы, на идеальные формы созданной под авторством академика нормативной системы, обеспечивающей функционирование всего ныне действующего уголовного законодательства, он чувствовал, что время требует его модернизации путем интегрирования в социальную действительность.

Но призыв В.Н. Кудрявцева не нов для отечественного уголовного права. Значительно ранее, в 1980-х гг. Г.А. Злобин обосновывал необходимость идейного осмысления и концептуального подхода к совершенствованию уголовного законодательства³. В начале 1990-х гг. попытку разработки концептуальных начал уголовного законодательства Российской Федерации предпринимали А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков, Э.Ф. Побегайло, О.Ф. Шишов и другие. Во второй половине 1990-х гг. Т.Г. Понятовская обратила пристальное внимание на необходимость исследования политико-правовых истоков и закономерностей развития уголовного права, конструктивных подходов к разработке основных положений теории уголовного права России, уголовного законодательства и практики его применения в соответствии с традициями правового государства⁴.

Однако в отличие от предыдущих периодов именно в настоящее время «критическая масса» возмущений достигала своих пределов, и она, судя по

¹ См.: Копнин П.В. Идея // Большая советская энциклопедия. В 30 т. М., 1969—1978.

² Кочеров С. Указ соч.

³ См.: Злобин Г.А. О необходимости концептуального подхода к совершенствованию уголовного законодательства // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979.

⁴ См.: Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск, 1996.

всему, касается всей системы права. Проблема модернизации актуальна не только для уголовного права.

В общей теории права Д.А. Керимов отмечает, что «государственно-правовая наука имеет отдельные достижения, но в целом она переживает глубокий и тяжелый кризис»¹. Назрела потребность, подтверждает С.С. Алексеев, вести работу по осмыслению права, созданию ряда концепций². В качестве ответа на вызов времени в теории права, во многом благодаря усилиям В.Г. Графского, А.В. Полякова и И.Л. Честнова, в последние годы оживленно обсуждаются вопросы о возможности существования интегральной теории³ и коммуникативной концепции права⁴, диалогичного типа правовопонимания⁵.

В гражданском праве, как утверждает Ю.К. Толстой, только на первый взгляд дела обстоят вроде бы благополучно. На самом деле, говорит академик, это далеко не так. В законотворческой и правоприменительной деятельности забыто известное положение о том, что не общество покоится на законе, а закон покоится на обществе⁶. В этой связи сегодня усилиями ведущих цивилистов страны переосмыслена сложившаяся правоприменительная практика. По результатам ее изучения разработана Концепция развития гражданского права, положения которой поэтапно претворяются законодателем в жизнь⁷.

Наряду с тенденциями в смежных отраслях права в уголовно-правовой сфере получили широкое распространение критические оценки уголовного закона и признание «крайних» способов его реконструкции. В научном и обыденном сознании находят поддержку заявления об опасности УК РФ и его непригодности в качестве социального стабилизатора. Налицо резкое возрастание тревоги в обществе, неуверенности в направленности уголовного закона на борьбу со злом, что является верным признаком кризиса идеи уголовного права. Назначение идей, как выражался Х. Ортега-и-Гассет, «состоит в том, чтобы заменить нестабильный, двусмысленный мир на

¹ Керимов Д.А. О некоторых теоретических и практических проблемах права // Керимов Д.А. Избранные произведения. В 3 т. Т. 2. М., 2007. С. 245.

² См.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С. 3—27.

³ См., например: Графский В.Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция; актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 4; Проблемы создания обновленной концепции юриспруденции (общей, интегральной юриспруденции) // Государство и право. 2002. № 5.

⁴ См.: Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. СПб., 2004.

⁵ См.: Честнов И.Л. Принцип диалога в современной теории права (Проблемы правовопонимания): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.

⁶ См.: Толстой Ю.К. Нам нужны работающие законы // Законы конкуренции. 2007. № 33.

⁷ См.: Концепция развития законодательства о вещном праве. М., 2009.

мир, в котором нет места двусмысленности»¹, нет отношения к «закону как к дышлу, которое куда повернешь, туда оно и выйдет».

Но для установления идеи недостаточно обзора исторических параллелей и одного только стремления к обновленному будущему. По мнению специалистов в области антологии идей, самой по себе перспективности, просматривающейся во взглядах В.Н. Кудрявцева, не хватает для обоснования идеи уголовного права. Уверенность в обратном, судя по взглядам В.С. Соловьева, В.В. Розанова, В.И. Вернадского, И.А. Ильина и других, является заблуждением. Все сказанное, отметили бы они, не проясняет идеи уголовного права. Оно, скорее, сообщает о концептах, заложником которых эта отрасль становилась на историческом пути своего развития. Отнюдь не каждая из них благожелательно воздействовала на уголовное право и верно освещала ему дальнейший путь развития.

Так, к примеру, XIX в., к авторитету которого апеллирует А.В. Наумов, для уголовного права и всей юридической науки являлся смутным временем, как его называл В.С. Соловьев. В отмеченный период высокий нравственный авторитет юриспруденции был утерян. Б.Н. Чичерин и Л.И. Петражицкий единогласно заявляли о разложении правосознания в современной для них науке². XIX в., добавлял П.И. Новгородцев, ознаменовался для науки права некоторыми печальными результатами.

Многое и, к сожалению, не самое лучшее можно сказать о советском периоде влияния политических идеологий на формирование уголовного права. Известны попытки идеологов советской уголовно-правовой доктрины реконструировать фундаментальные принципы классической школы уголовного права. Их усилиями институт виновности, основания уголовной ответственности, принцип соразмерности наказания тяжести совершенного преступления были замещены институтами «опасного состояния», «мер социальной защиты» и другими аморфными категориями.

К настоящему времени не все из названного изжито. Оставлена традиция, которая не позволяет понимать под идеей нечто большее, чем просто взгляды и воззрения. Свои начала, надо полагать, такое обыкновение берет из Локковой философии. Локк придал идее особое значение, существенно отличное от толкования идей в предшествующей, последующей и современной ему философии. Все, что ум воспринимает в себя и что есть непосредственный объект восприятия, мышления или понимания, Локк называл «идеєю». Идеи, как он их понимал, находятся не где-то в потустороннем мире, как полагал Платон, и не в некоем абсолютном духе, как станет впус-

¹ *Ортега-и-Гассет Х.* Идеи и верования / пер. В.Г. Резник. М., 1991.

² См.: *Чичерин Б.Н.* Философия права. М., 1900. С. 24; *Петражицкий Л.И.* Права добросовестного владельца. СПб., 1897. С. 420.

ледствии думать Гегель. Их «место» — только в человеческом уме. Их источник — ощущения и рефлексия, выделяющие идеи как элементы разума¹.

К слову сказать, несмотря на известный идеализм Платона, в его учении тем не менее раскрыты сущностные стороны и свойства идеи. Идея по Платону, — как писал Е.Н. Трубецкой, — это «единственное непреходящее, неизменное истинное бытие в потоке явлений». В отличие от идей отдельные мысли, как их воспринимал греческий мыслитель, непрерывно рождаются и умирают, изменяются и модифицируются. Идея человека не есть только общее представление, а живое, мыслящее и деятельное создание, которое самостоятельно и отдельно от всех человеческих проявлений. Поскольку идеи суть производящие причины всего существующего, весь видимый мир создан по их образу и подобию, носит на себе их отпечаток, представляя собой результат их деятельности. Идеи, по утверждению Платона, определяют собою прототипы, первообразы всего мира: видимого и невидимого².

Между тем платоновский опыт не востребован. Широкое признание получила вышеупомянутая Локковая традиция, которая создает иллюзорную реальность, состоящую из множества идей — «ложных целей», выдающихся за истинную действительность. Она наталкивает на обилие всевозможных школ и учений, такую палитру концепций и подходов, что задача обсуждения заявленной темы кажется вовсе неразрешимой, отмечает С.С. Гусев, наблюдая в философии схожие тенденции³. На фоне их множества утверждение о возможности существования, а уж тем более разрешения так называемого «основного вопроса» уголовного права вызывает сильное сомнение.

Несмотря на все это в подавляющем большинстве случаев раскрытие идеи, к примеру, в философии права осуществляется через историсофическое воспроизведение различных представлений о жизни, воле, справедливости, свободе, равенстве, реже собственности, как составляющих ее содержание.

Идея «Философии права» И.И. Кального раскрыта автором через интерпретацию представлений о справедливости древних греков; о естественной разнице между законом и правом — софистов, Сократа, Платона и Аристотеля; о свободе, долге и равенстве — Эпикура; о законе и благодати — А. Августина, Ф. Аквинского, И. Киевского; общественном договоре — Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо⁴.

¹ См.: История философии: Запад-Россия-Восток. Книга вторая: Философия XV—XIX вв. М., 1995.

² См.: Трубецкой Е.Н. Труды по философии права / сост. и примеч. И.И. Евлампиева. СПб., 2001. С. 67—68.

³ См.: Гусев С.С. Эволюция философских идей: Путь в XXI в. // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 1997. Т. 1. № 1. С. 5—20.

⁴ См.: Кальной И.И. Философия права: учебник. СПб., 2006. С. 9—21.

Не иначе идея рассмотрена в одноименной работе В.С. Нерсисянца. Идею правового государства, к примеру, он также воспроизвел через: суждение Солона о единении силы и права; концепцию разделения властей — Аристотеля и Полибия; мысль Цицерона о взаимосвязи политики и закона; концепт правовой государственности Дж. Локка, Ш.Л. Монтескье, Д. Адамса, Д. Мэдисона, Т. Джефферсона, И. Канта и других¹.

Природа идеи, ее смысл и предназначение. Знакомство с названными идеями, отмечал В.С. Соловьев, оставляет открытым вопрос другого порядка, весьма затемненный различными предрассудками и не получавший должного разрешения². Речь идет о вопросе, который не преследует цель сообщить какие-либо подробности о прежнем или современном положении российского уголовного права исходя из предположений о его малоизученности или обремененности ложными представлениями. Благодаря ученым и многим другим, — сведущим в области уголовного права, просвещенная часть российского общества достаточно ознакомлена со всем, что касается многообразных форм проявления уголовной юстиции, ее реальных проблем.

Для вскрытия идеи того или иного феномена, утверждал мыслитель, нет необходимости обращаться к мнениям сегодняшнего или вчерашнего дня. В такой практике, полагал В.С. Соловьев, существует опасность быть разочарованным событиями этих дней. В них может и не быть отражения искомой идеи или же ее суть может быть искажена бытом повседневности.

И в действительности ни одна из вышеприведенных идей не была в итоге названа «идеей уголовного права». Во всех описанных случаях речь не заходила о смысле появления и существования этого права. Приведенные политико-правовые концепты, оказавшие влияние на формирование отмеченной отрасли права, не назвали ту мысль, которую уголовное право скрывает за собой и открывает лишь в миг появления угрозы уничтожения «дорогих» нам благ. Все сводится к дискуссиям об идеях справедливости, свободы, равенства, правового государства и других явлений, по отношению к которым уголовное право в разное время и с переменным успехом выступало не более чем выразителем их содержания, проводником смысла в социальную действительность.

Очевидно, что заявленное восприятие идеи не только не проясняет ее содержания, но и искажает предназначение всей науки уголовного права в целом. Потенциал науки сужается до технико-технологического обслуживания уголовного законодательства и воспроизведения на своем поле политико-правовых «идей», зародившихся в общей теории права или государства.

¹ См.: Нерсисянц В.С. Философия права: учебник. М., 2000. С. 92—107.

² См.: Соловьев В. Русская идея / пер. с франц. Г.А. Рачинского. Париж, 1888.

По отношению к своим *alma mater* наука уголовного права выполняет типичную для нашего сознания «служебную» функцию накопителя и преобразователя их идей, т.е. не более чем заурядного субъекта познания.

В то же время природа идеи требует не обозрения исторических взглядов на уголовное право, а постижения внеисторических и самобытных, самостоятельных в своем развитии истин названной отрасли права. Логика идеи разворачивает нашу целеустремленность. Она предполагает необходимым рассматривать уголовно-правовую (как и всякую иную) науку в качестве объекта познания, который, по справедливому замечанию А.Э. Жалинского, также подлежит исследованию¹. Такой поворот в понимании природы идеи, скорее всего, только и может служить свидетельством перехода к «вопросам другого порядка», на разрешении которых настаивал В.С. Соловьев.

Речь идет о потребности перехода исследователя от внешнего к внутреннему опыту человека, где и зиждется основа идеи. Обозначая «смысл», «значение», «сущность» и тесную связь с категориями мышления и бытия², нутро идеи всецело обращено к мыслительному процессу человека. Поэтому осмысление идеи права, ее предназначения для познания требует от всякого исследователя смелости, основательной работы над собой, т.е. поиска идеи в самом себе и во всех нас — субъектах права. Соискателю, судя по месторасположению идеи, надлежит ответить на вопросы о том, «что ищут, когда стремятся понять чьи-то идеи», и зачем идея, все цело конструируемая в человеческом уме, нашему сознанию.

К ответам на заявленные вопросы приближает философия Хосе Ортеги, занимавшегося природой идей и генезисом убеждений, соотношением «чистого» (теоретического) и жизненного «разума», условиями и путями преодоления в сознании сомнения и «хаоса». Свое произведение «Идеи и верования» мыслитель начал с важного для нас наблюдения о том, что «идеи», относимые к самым различным вещам (и к обиходным мыслям, и к научным теориям), во всех случаях пребывают в голове человека и независимо от того, принадлежат ли они человеку или кем-то ему внушены.

Говоря о разночтениях в понимании идеи Ортега отмечал, что под нею он имел в виду не плоды интеллектуальной деятельности, к которым приходят путем умственной работы. Под идеями в подлинном смысле этого явления философ подразумевал верования, которые вовсе не возникают внутри нашей жизни в некий определенный день и час, мы не доходим до них посредством размышления, они не приходят к нам в голову — они не являются

¹ См.: Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / под ред. В.В. Лунеева. М., 2010. С. 91.

² См.: Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М., 1981.

плодом раздумий, той отточенной логической выкладкой, которую мы называем суждением.

По своей истинной природе, утверждал Ортега, идеи составляют каркас нашей жизни и не являются носителями какого-то частного содержания внутри себя. Они наш мир и наше бытие, а поэтому не имеют свойств «мыслей, которые могли прийти, а могли бы преспокойнейшим образом и не приходиться нам в голову». Об идеях «как об истинных верованиях мы не думаем ни сейчас, ни потом — наши отношения с ними гораздо прочнее: они при нас непрерывно, всегда», — добавлял Ортега. В отличие от мыслей, пребывающих в нас, мы пребываем в уверенностях, они в нас еще до того как мы задумываемся.

Можно сказать, что все вышеизложенное мыслитель признавал серьезной ошибкой тех, «кто, желая составить представление о жизни человека или эпохи, пытается судить о них по сумме идей данного времени, иными словами, по мыслям, не проникая глубже, в слой верований, всего того, что обычно не выражается, того, чем человек располагает». «Вместо того чтобы «создавать историю», т.е. логизировать идеи разума от Декарта до наших дней — продолжал Ортега, — следовало бы попытаться точнее определить, какой именно была вера в разум в те или иные времена и каковы были последствия этой веры для жизни»¹.

В русской философии существование аналогичного рода верований — уверенностей обосновывал В.С. Соловьев. Они, по мнению мыслителя, «известным образом утверждаются в нашем сознании, именно как непосредственная уверенность, несколько не вытекающая ни из наших ощущений, ни из понятий самих по себе. Это, очевидно, означает, что познающий субъект не ограничивается ощущениями и понятиями, выражающими лишь данное и относительное бытие предмета, а включает еще познавательный элемент, сообщающий ему то, что никогда не может быть дано в чувственном опыте и исчерпано понятиями разума»².

В понимании философа идея, отражающаяся в нашем сознании как безусловная и непоколебимая уверенность в исследуемом предмете, есть центр, связывающий между собой познаваемого и познающего. Последнему необходима идея, независящая по своей природе от частных и случайных ощущений наших чувств и от отвлекающего действия нашего рассудка, для обретения уверенности в предмете, для того, чтобы его собственное существование стало для нас достоверным, а не проблематичным. «Этой уверенности, — писал В.С. Соловьев, — соответствует в самом предмете его

¹ Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования / пер. В.Г. Резник. М., 1991.

² Соловьев В. Философское начало цельного знания. Мн., 1999. С. 849.

глубочайшее внутреннее определение, его определение как сущего, или безусловного, в силу которого он не может быть вполне сведен ни к чему другому, ни к какому отношению, а всегда во всех отношениях остается в себе»¹.

Идея всякого явления, по мысли философа, должна так или иначе существовать для субъекта. Через взаимодействие идеальной сущности субъекта с идеальными сущностями всех других предметов в нашем уме прямо отражается образ, собственная сущность — идея предмета. В результате такого взаимодействия субъект видит идею предмета в свете своей собственной идеи.

Наряду с Соловьевым к основоположникам теории идеи заслужено относят Василия Васильевича Розанова. Познав закономерности человеческого мышления, философ утверждал, что идея бытия — «цель целей не в замысле, а в самом бытии, которое для нашего зрения не отлично от небытия и не сводится к потенциальному существованию цели в разуме»². Относя идеи к явлениям целесообразности, мыслитель обосновывал, что они имеют «форму вечно реальную», за счет которой идеи скрыты от нас и всегда заранее уже есть, обладают безусловным существованием, ни в чем более не нуждаясь. «Идея только разлагается в сознании, которое не создает ее, и жизнь разлагается через ее разложение, — как это и должно быть согласно природе идеи, которая есть самостоятельное существо, проявляющееся в сознании, но не творимое им»³.

За счет названных свойств, писал Розанов, «идея, некогда прошедшая через сознание неизвестного человека, начавшего чертеж, прошла бы вторично через сознание того, кто закончил его». На пути к пониманию идеи, утверждал В.В. Розанов, необходимо преодолеть сопротивление окружающей ее инертной среды, которое приведет совершающие в этой среде процессы к целесообразному движению, а лежащему в ней основанию придаст планомерное строение⁴. И все это за счет того, что не идея принадлежит нам, а мы — идее. Отвечая назначению человека, идеи пребывают для нас в небытии и оказываются для нас целью.

Особого внимания заслуживают взгляды П.Д. Юркевича, философия которого, как писал В.В. Зеньковский, «была выше своего времени»⁵. Он примыкал к платоновской традиции, признающей существование сверхчув-

¹ Соловьев В. Философское начало цельного знания. Мн., 1999. С. 864.

² Бибихин В.В. Время читать Розанова // Розанов В.В. Сочинения: О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / ред. и коммент. В.Г. Сукача. М., 1995. С. XI.

³ См.: Розанов В.В. Сочинения: О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / ред. и коммент. В.Г. Сукача. М., 1995. С. 436.

⁴ См.: Розанов В.В. Указ. соч. С. 340—343.

⁵ Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. С. 305—306.

ственного мира идей. При этом философ соглашался с суждением Аристотеля, представлявшего под идеей необходимую форму вещи, то, что «дает вещи этот, а не иной образ существования, то, что наделяет ее отличительной и определенной действительностью»¹.

В идее исследуется общая необходимость явления, «мы находим в ней и под ней необходимость разумную, которая дает явлению внутреннее единство, жизнь и душу...». Посредством идеи, писал мыслитель, преодолевается ограниченность понятий рассудка, создается целостный образ, гармония и полнота, как «выражение одного начала, как виды и ступени одной бесконечной жизни». При этом, говоря об идее душевного состояния человека и его поступков, философ имел ввиду нравственный закон, который не определяется предметом, а, напротив, сам определяет предмет, мыслится как его закон и условие правильного развития².

Философы не одиноки в своих взглядах на природу идей. Подтверждение их тезисам можно найти не только в философских, но и в правовых источниках, художественных и религиозных произведениях разных времен, внимание к которым не должно ослабевать. Их освоение, как отмечал Н. Неновски, ведет к более глубокому пониманию права «одновременно как явления духовной жизни и практической человеческой деятельности, пониманию, несовместимого с различного рода позитивистскими, догматическими и нормативистскими взглядами в области права»³.

Примером художественного измерения идеи является произведение Ф.М. Достоевского, который для обоснования своей позиции не прибегал к религиозно-этическим и философско-историческим представлениям об идее. Для познания ее сути писателю было достаточно поставить над человеческой природой экзистенциальный эксперимент, искусно описанный им в романе «Преступление и наказание». В нем Достоевский устами Раскольникова заключал, что идея является результатом сильнейшего душевного напряжения и предназначена для придания человеку силы, самоуверенности, спокойствия и устойчивого, неподвижного положения.

Призвание идеи в праве обосновывал Г.Д. Гурвич. Оно, по его мнению, состоит в том, чтобы служить сущностной основой любого общего определения права. Развивая идею справедливости и признавая ее конституирующий потенциал для права, юрист считал, что отношение между идеей и правом напоминает скорее отношение между логической категорией и создаваемым данной категорией объектом⁴.

¹ Юркевич П.Д. Указ. соч. С. 30.

² См.: Там же. С. 11–14.

³ Неновски Н. Право и ценности. М., 1987. С. 51.

⁴ См.: Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб., 2004. С. 293.

Идея, по мысли правоведа, несет на себе глубокий отпечаток логики и обладает способностью напрямую создавать права. «Поскольку правовая наука, — отмечал Г.Д. Гурвич, — имеет отношение к миру абстрактных «нормативных смыслов», живой правовой действительности, то критерий для подобного абстрагирования, равно как и критерий для упорядочивания всей системы права, объективно не может быть установлен без опоры на идею... либо на тот аспект, в котором она переживается в исследуемой социальной среде»¹.

Признаки идеи уголовного права. По названным Соловьевым и Розановым причинам, мы не ставим перед собой задачу дать определение идее уголовного права. Она хорошо скрыта от человеческого взгляда и не предполагает свободного к себе доступа. «Идеи, — как подчеркивают Г. Скиберкк и Н. Гилье, — трудны для понимания. Познание идей требует значительных умственных способностей, дисциплины и длительной подготовки»². Немалую сложность поднятому вопросу задает поиск его определения, до которого, как справедливо заметил И. Кант в своей работе «Критика чистого разума», «дойти приятно, однако нередко очень трудно»³.

Иными словами, для установления идеи требуется проведение отдельного основательного исследования. В конце концов, определение идеи невозможно дать без познания сути охраняемых уголовным правом благ, понимания их ценности. В связи с этим, на данных страницах имеется цель вскрыть все стороны бытия идеи, получить от вышеприведенных умозаключений понимание того, что такое идея и какова ее связь с тем, что мы до этого называли «идеями»; для чего необходима идея уголовного права обывателю и исследователю, какова важность ее поиска для субъектов исследуемого права.

В этом плане вышеприведенного философско-правового опыта достаточно для вывода о том, что идея — это не содержание, перетекающее из эпохи в эпоху, из головы одного человека в голову другого и т.д. Она есть форма с присущим только ей значением. Сквозь призму идеи может быть раскрыта сущность уголовно-правового явления. Но не всякого явления, а только того, которое способно быть идеей, т.е. действующей внутри нас данностью (уверенностью), обычно не подлежащей обсуждению и обоснованию⁴.

¹ Там же. С. 294.

² Скиберкк Г., Гилье Н. История философии: учеб. пос. / пер. с англ. В.И. Кузнецова; под ред. С.Б. Крымского. М., 2000. С. 100.

³ Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. II. М., 1965.

⁴ К такого рода явлениям (к примеру, нормам), как правило, относятся положения об уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья, уровень укорененности которых в индивидуальном и общественном сознании таков, что в истории уголовного законодательства не возможно обнаружить следов мысли об их необоснованности или, как минимум, сомнительности.

Сказанного также достаточно, чтобы рассматривать само по себе уголовное право и как мысль, символизирующую определенный уровень развития социума, и как идею, служащую человеческому сознанию своеобразным средством успокоения, стабилизации социального порядка, инструментом реанимации разрушенным преступлением ценностей, индивидуальных и общественных связей, механизмом воспроизводства, утраченного вследствие посягательства чувства справедливости, а в целом опорой, фактом веры и организующим началом для сознательной и бессознательной деятельности человека и общества, учрежденного ими государства.

Идея уголовного права вытекает, но не сводится к идеям, объясняющим право в целом. С позиции идеи уголовное право — неместилище, содержащее в себе отражение времен, а самостоятельный образ, пребывающий в человеке и уверяющий его в том, что он не одинок, а возникающие в нем опасения, чувства несправедливости и незащитности могут быть им преодолены.

В таком контексте все вышеназванные политико-правовые концепции не образуют идею уголовного права, а лишь дополняют ее, предоставляют для нее дополнительный инструментарий, предлагают акценты для смягчения или ужесточения уголовно-правовых подходов. При этом идея уголовного права, необходимо отметить, не сводится к «идеям» институтов, из которых слагается эта отрасль права. Мы верим в идею уголовного права так же, как в идею разума, а не в идеи, рожденные разумом.

Последние, как отмечал В.С. Соловьев, по своей природе оказываются «слишком частными и случайными для того, чтобы представлять самую суть предмета и отвечать на вопрос: что есть этот предмет? Ибо в этом вопросе имеется в виду нечто более общее, чем наши действительные ощущения, нечто такое, что остается единым и неизменным во всех действительных и возможных ощущениях, которые с ним связываются, и что, следовательно, никакими ощущениями не покрывается и не исчерпывается, а с другой стороны, под «этим предметом» имеются в виду наши ощущения, нечто такое, что никогда не может принадлежать или быть придатком другого предмета...»¹.

Приведенные знания также свидетельствуют о том, что уголовное право как идея, являющаяся предпосылкой и условием действия нашего сознания, по своему прямому предназначению противостоит сомнению, которое по своим свойствам «приводит нас в смятение», «препятствует движению вперед»². «Подлинное сомнение, — утверждал Х. Ортега, — это способ существования верования, в общем устройстве жизни оно принадлежит тому

¹ Соловьев В. Критика отвлеченных начал // Философское начало цельного знания. Мн., 1999. С. 857—858.

² Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004; Философский энциклопедический словарь. М., 2010.

же уровню, что и верования. В сомнении тоже пребывают»³. В этой связи интеллект имеет дело с идеей для ответа на все то, что вызывает у него сомнение.

Судя по внешним признакам воплощением такого сомнения в уголовном праве являются преступления, подавляющее большинство которых способно приводить к аналогичному иступлению, т.е. к состоянию крайнего возбуждения и потере самообладания как отдельным человеком, так и всем обществом². В преступлении, если говорить о его внутренних сходствах с сомнением, мнение его субъекта о ценности охраняемого блага также противоположно и противопоставлено мнению о нем субъектов уголовного права.

Подтверждением заявленному тезису служит произведение Ф.М. Достоевского, представляющее собой наиболее соответствующее реальности отражение сомнительной действительности Раскольникова. В его жизни, описанной в «Преступлении и наказании», все подвержено сомнению. Героя романа поглощали вопросы, ответы на которые он с «болезненным» трудом отыскивал, доходя в некоторых случаях до состояния близкого к сумасшествию.

О многом говорят беседы Раскольникова. В них он находится в противоречии с самим собой. От своих сомнений, по словам Достоевского, Раскольников «был бледен, глаза его горели», «дрожал как лист», «его тошнило», «бросало в ужас», «одолевала необыкновенная свирепость». Он приходил в глубокое изумление, крайне изнеможенное состояние, «изнеможение было во всех его членах». Нервная дрожь преступника переходила в лихорадочное волнение:

«Да что же это я! Ведь я знал же, что я этого не вынесу, так чего ж я до сих пор себя мучил? Ведь еще вчера, вчера, когда я пошел делать эту... пробу, ведь я вчера же понял совершенно, что не вытерплю... Чего ж я теперь-то? Чего ж я еще до сих пор сомневался? Ведь вчера же, сходя с лестницы, я сам сказал, что это подло, гадко, низко, низко...

Нет, я не вытерплю, не вытерплю! Пусть, пусть даже нет никаких сомнений во всех этих расчетах, будь это все, что решено в этот месяц, ясно как день, справедливо как арифметика. Господи! Ведь я все же равно не решусь! Я ведь не вытерплю, не вытерплю!.. Чего же, чего же и до сих пор...».

И таких неразрешенных пунктов и сомнений, вытекающих из запланированного, а затем совершенного Раскольниковым преступления «оставалось в нем еще целая бездна». Герой мечтал, чтобы когда-нибудь «случилось так, что уже все до последней точки было бы им разобрано и решено окончательно и сомнений не оставалось бы уже более никаких». «Тут-то бы, —

¹ *Ортега-и-Гассет* Х. Указ. соч.

² См.: Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935—1940.

казалось Раскольникову, — он и отказался бы от всего, как от нелепости, чудовищности и невозможности».

Находясь в остервенении от самого себя, Родион Романович убегал в общество. В обществе он, уже не веря личному опыту и не находя в себе сознательных возражений для разрешения нравственных вопросов, упрямо, рабски, судя по описанию классика, «искал возражений по сторонам и ощупью...».

В беседах с Порфирием Петровичем, Разумихиным, Дуней, Соней и другими, Раскольников пребывал в противоречии уже не с собой, а с окружающим его обществом. Заповеди этого общества: «Не убий», — он противопоставил свой концепт «избранных людей». Речь идет об «идее» разделения людей на «обыкновенных» и «необыкновенных». Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступить закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные.

Такова сила сомнения, пребывающая в преступлении. Скрытое в нем противоречие, отрицающее объективное значение охраняемых благ, всегда разрушительно и губительно, поскольку не предполагает компромисса. Преступающее сомнение покушается на самую возможность существования защищаемого объекта. Своей временной и условной целью оно пытается дискредитировать его вечную ценность.

Сила идеи в символизме, констатирующем неприступность защищаемых уголовным правом ценностей. Положение идеи заключается в том, чтобы стоять выше пикирующихся сомнений. Ее предназначение не в том, чтобы разрешать возникшее противоречие, а констатировать его беспочвенность и бессмысленность и всегда выводить усомнившихся к общепризнанному, нравственному и исторически сложившемуся положению вещей в праве. В этом смысле надлежит согласиться с идеей права Соловьева и применительно к уголовному праву уточнить, что в процессе подъема человека к высоким началам нравственности его идея состоит в предотвращении скатывания человека к низам этих начал, крайним формам эгоизма и произвола, противообщественным инстинктам.

Предложенное автором понимание идеи уголовного права, безусловно, несовершенно и требует более обстоятельной разработки и проверки. Такая проверка, как уже отмечалось, не может обойтись без соотношения названной идеи с идеями охраняемых уголовным правом благ. Защищаемые объекты имеют свою имманентную логику, которая, интерпретируя слова Н. Стефанова, как в теории детерминирует логику научного подхода¹, так и на практике обуславливает специфику их охраны.

¹ См.: *Стефанов Н.* Теория и метод в общественных науках. М., 1967. С. 149—150.